

АФРИКАНСКИЙ ЖАР ЛЕЧИТСЯ КРОВЬЮ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЛИВИЙСКОЕ САФАРИ

Спецназ КГБ

Александр Тамоников

Ливийское сафари

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Ливийское сафари / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2023 — (Спецназ КГБ)

ISBN 978-5-04-189180-0

Роман о напряженной работе специалистов уникального подразделения КГБ. От мозгового штурма при подготовке секретной операции до реальной схватки с коварным противником в любой точке земного шара – путь, который по силам только мужественным и преданным своему делу профессионалам. 1975 год. ЦРУ разрабатывает план покушения на ливийского лидера Муаммара Каддафи. Сделать это планируется в день приезда в страну советской делегации, чтобы потом возложить на нее ответственность за теракт. Предотвратить убийство поручено группе спецназа КГБ подполковника Вячеслава Богданова. Как оказалось, обезопасить Каддафи от прицельного выстрела снайпера – это только полдела. Настоящая угроза исходит от скрытого и очень умного противника. Богданову нужно найти и обезвредить его в самые короткие сроки... «Романы А. Тамоникова – о настоящих мужчинах, для которых понятия доблести, чести и долга – не пустой звук». – В. Колычев

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-189180-0

© Тамоников А. А., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Тамоников
Ливийское сафари

© Тамоников А.А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Москва, Комитет государственной безопасности, Управление нелегальной разведки, май 1975 года.

Подполковник Богданов заглянул в приемную начальника спецотдела Управления полковника Старцева. Помощник и секретарь Старцева старший лейтенант Николай Орлов с угрюмым видом стоял у своего стола, заваленного архивными папками.

– Привет, служивый, – весело поздоровался Богданов. – О чем дума твоя печальная?

– Здравия желаю, Вячеслав Антонович, – поздоровался Орлов. – Николай Викторович вас ждет.

– Знаю, что ждет, потому и здесь. Ты-то чего такой хмурый?

– Да все одно и то же, Вячеслав Антонович. Папки, папки, папки... Надоело уже. Как осел выучный, таскаю папки в архив, хоть бы вы уже писать стали поменьше.

– Ну что ты, Коля! Ты гораздо симпатичнее осла, и уж точно умнее. – Богданов подмигнул Орлову.

– Все бы вам шутить, товарищ подполковник. – Орлов еще больше нахмурился. – Вам-то хорошо, вы всегда на передовой. Небось не скучаете.

– Это верно, Коля. Только и нам иногда так хочется поскучать, что сил нет. Вот хоть сейчас: три дня как вернулись в Москву, а начальство уже вызывает. Не знаешь, что на этот раз?

– Никак нет. – Взгляд Орлова посуровел. – Со мной подобные вопросы не обсуждают, вы же знаете, Вячеслав Антонович.

– Так я поэтому и сказал, что ты гораздо умнее осла, – продолжал шутить Богданов. – Осел бы по отрывкам фраз и посетителям ни за что не догадался, что в мире творится, а от тебя ничего не укроется.

– Да не было у товарища полковника посетителей. Только товарищ генерал-майор дважды за день заходил, но на то он и начальник, чтобы подчиненных контролировать.

– Сам Вадим Алексеевич заходил? И для него по два раза в день приходиться – норма?

– Никак нет, товарищ подполковник, товарищ генерал-майор, как правило, товарища полковника к себе вызывает. – Лицо лейтенанта удивленно вытянулось. – И как это у вас, Вячеслав Антонович, получается?

– Что получается, Коля?

– Подмечать все. Я вот внимания не обратил. Ну, пришел два раза и пришел. Значит, надо. А ведь если подумать, то за год, не в пример товарищу Лазареву, товарищ генерал-майор у полковника всего раза три был, а тут за день дважды.

Генерал-майора Кирпиченко Вадима Алексеевича назначили заместителем начальника ПГУ КГБ при Совете Министров СССР в мае 1974 года. Сменив на посту генерал-майора Лазарева, вот уже год он являлся начальником Управления «С» и непосредственным начальником полковника Старцева, который, в свою очередь, возглавлял спецотдел нелегальной разведки Управления «С». За все это время подполковник Богданов, командир спецподразделения «Дон», ни разу не удостоился чести присутствовать на совещаниях и планерках с участием генерал-майора, все приказы и распоряжения он получал от полковника Старцева.

– Не кисни, Коля, и ты бы заметил, не будь гора папок такой огромной, – пошутил Богданов. – Докладывать будешь?

Старший лейтенант потянулся к трубке селектора внутренней связи.

– Товарищ полковник, товарищ подполковник Богданов прибыл, – произнес он в трубку, молча выслушал ответ и положил трубку на место. – Проходите, товарищ подполковник.

Перед самой дверью Орлов внезапно задержал Богданова за рукав.

– Товарищ подполковник, может, замолвите за меня словечко?

- В каком смысле?
- Чтобы товарищ полковник мой рапорт подписал.
- Понятнее не стало. – Богданов нахмурился. – Какой рапорт, Коля?
- В Академию СВР. – Лейтенант с мольбой смотрел на Богданова. – Хочу отучиться и к вам, на передовую.
- Во как! – опешил Богданов. Раньше у лейтенанта таких мыслей не возникало, он вообще считал свою службу чуть ли не важнее разведывательной деятельности всего Управления, и вдруг такой поворот. – Это когда же ты надумал?
- Полгода полковника уговариваю, – зашептал Орлов, боясь, что полковник услышит, слишком уж близко от его дверей шел разговор. – Шесть раз рапорт ему носил.
- А он?
- Рвет молча, выбрасывает и дает новое задание. – Орлов вздохнул. – А мне уже эти бумажки, папки, архивы осточертели!
- Ладно, Коля, подвернется подходящий момент – обязательно поговорю с полковником, – пообещал Богданов, хотя сам идею лейтенанта и не одобрил.
- Спасибо, товарищ подполковник! – обрадовался Орлов. – Вы – настоящий друг, настоящий командир, настоящий мужик!
- Коля, не заставляй меня передумать, – пригрозил Богданов и вошел в кабинет. Полковник Старцев сидел за столом, склонившись над очередной папкой.
- Вызывали, Николай Викторович?
- Привет, Слава, заходи! – Старцев махнул рукой, приглашая Богданова войти. Тот вошел, прикрыв за собой дверь, занял место напротив начальства. Старцев изучил страницу рукописного текста до конца, отодвинул папку в сторону и только тогда поднял взгляд на подполковника.
- Что, попал под беспощадные жернова героического лейтенанта? – Глаза Старцева лучились смехом.
- Что-то вроде того, – улыбнулся и Богданов. – И давно у него эта идея?
- Достаточно давно, чтобы заставить меня задуматься о ее удовлетворении. Киснет парень, выгорает. А это для работы не есть хорошо.
- Толкового помощника не так легко найти, Николай Викторович, – со знанием дела заявил Богданов.
- Знаю, Слава, но и жизнь парню губить не хочется. Вдруг он и правда прирожденный разведчик, а я его на канцелярской работе сколько лет уже держу. Эгоизм?
- Может, и так, но ведь для пользы дела. На благо Родины стараюсь. Здесь секретность покруче, чем в спецподразделении.
- И все же присмотришься к нему, Слава. Вдруг парень и правда надежды подает.
- Я вас понял, Николай Викторович. Присмотрюсь.
- Вот и славно. Теперь к делу. – Старцев перешел с отеческого тона на деловой. – Много ли тебе известно о советско-ливийских отношениях?
- Ого, снова африканские страны активизировались? Два года не прошло, как нам Египет проблемы подбрасывал, а теперь достопочтенный Каддафи заигрался?
- Не Каддафи, Слава, а его противники. – Старцев толкнул в сторону подполковника папку, которую изучал до появления Богданова. – Здесь все, что нужно для начала работы, но сперва, так сказать, экскурс в прошлое. Ты знаешь, что Муаммар Каддафи пришел к власти в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году путем военного переворота, сбросив монархическое правление короля Идриса I, поддерживаемое западными странами. Придя к власти, Каддафи превратил страну в республику, управляемую Советом революционного командования. Как и во всех подобных случаях, вскоре началась национализация западного капитала, в первую

очередь нефтяной промышленности. Одновременно с этим он выдворил из страны британских и американских военных.

– Если не ошибаюсь, Каддафи заявил так: «Под свободой мы понимаем такую индивидуальную и национальную независимость, которая исключает нищету, колониализм и присутствие на нашей земле иностранных войск и военных баз». После этого Совет революционного командования (СРК) и правительство Ливийской Арабской Республики (ЛАР) приняли решение о досрочном выводе иностранных войск с территории республики. Переговоры с Англией о ликвидации военных баз проходили в первой декаде декабря тысяча девятьсот шестьдесят девятого года, и двадцать седьмого марта тысяча девятьсот семидесятого года английские базы были ликвидированы. В декабре тысяча девятьсот шестьдесят девятого года начались ливийско-американские переговоры, которые также прошли успешно. В июне семидесятого последний американский солдат покинул территорию Ливии. После ликвидации иностранных военных баз СРК начал национализацию иностранной собственности. – Богданов выдал информацию, не заглядывая в папку.

– Садись, Богданов, пять. – Старцев улыбнулся. – Да, политподготовке в спецподразделении «Дон» уделяют много времени.

– Эта информация имеется в открытом доступе, почему не изучить? – Богданов пожал плечами, давая понять, что не находит ничего особенного в своей осведомленности.

– Что ж, в общих чертах ты с ситуацией знаком, тем лучше, – продолжил полковник. – Тогда, скорее всего, тебе известно, что наряду с национализацией иностранной собственности интересы Муаммара Каддафи направлены на наращивание военной мощи, а так как западные страны не слишком заинтересованы в усилении власти Каддафи, то и в вопросах военного снабжения навстречу амбициозному правителю не идут.

– Речь пойдет о поставках оружия?

– Не забегай вперед, подполковник. Известно ли тебе о том, что в марте тысяча девятьсот семьдесят второго года нашу страну посетил Абдель Салам Джеллуд, тогда еще министр финансов ЛАР. Он подписал с правительством СССР соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в производстве и переработке нефти. Спустя два года, уже в качестве премьер-министра, Джеллуд снова нанёс визит в Москву и заключил первое соглашение о больших поставках советского оружия в Ливию.

– Судя по тону, сейчас будет «но», – выдержав паузу, произнес Богданов.

– Совершенно верно. «Но» будет, и не в единственном экземпляре. Дальше, подполковник, пойдут сплошные «но» и «однако». Несмотря на подписанные соглашения, которые стали основой развития экономических связей между СССР и Ливией, политические отношения между нашими странами остаются напряженными. Идеологические расхождения – одна из причин, но не главная. Да, ливийские руководители с подозрением относятся ко всему, что исходит со стороны других стран, но в отношении СССР это происходит не без подачи наших китайских «друзей». Идея о «двух сверхдержавах», культивирующаяся китайским правительством, ставит на одну доску политику СССР и США, что в корне неверно и пагубно для Советского Союза. Несмотря на все старания наших противников, в последнее время взаимоотношения между СССР и Ливией заметно потеплели. В данный момент готовится визит в Ливию советской правительственной делегации во главе с Председателем Совета Министров СССР Косыгиным. И вот здесь начинаются проблемы.

Старцев замолчал.

– Какого рода проблемы, Николай Викторович? – прервал затянувшуюся паузу Богданов.

– В управление внешней разведки поступила информация, что на правителя Ливии, Муаммара Каддафи, готовится покушение.

– Источник надежен?

– В том-то и дело, Слава, что источник ненадежен. Это не штатный сотрудник внешней разведки, не резидент разведывательной службы, не завербованный агент из числа приближенных к Каддафи.

– А есть и такие? – удивился Богданов.

– Мальчик мой, если у Советского Союза возникают экономические отношения с главой какого-то государства, он автоматически попадает в число тех, за кем требуется серьезный контроль со стороны органов госбезопасности. С Ливией у нас не просто экономические связи, мы заинтересованы в дальнейшем наращивании сотрудничества, так что да, в этой стране у нас есть свои люди.

– Но информация поступила не от них, – резюмировал Богданов. – Тогда от кого?

– Скажем так: от лица, заинтересованного в том, чтобы правление Муаммара Каддафи продлилось как можно дольше.

– Его проверяли? Это не провокация, Николай Викторович?

– А вот этим, Слава, заниматься будешь ты и твоя команда, – заявил Старцев. – Человек, от которого получена информация, является мелкой сошкой в аппарате Каддафи. Откуда он узнал о готовящемся покушении, нам неизвестно. Знаем лишь то, что с этой информацией он отправился не к тому человеку. Начальник охраны среднего звена попросту побоялся передать сведения выше, так как доказательств у него нет, а вылететь с теплого места из-за подозрений не хочется никому. Детали в папке, ознакомишься позже.

– Ясно. Какова будет конкретная задача? – заторопился Богданов.

– Выяснить обстановку, оценить риски, сделать выводы и разработать план предотвращения покушения, – перечислил Старцев.

– Что ж, ничего нового, все как всегда: сходи туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что, – пошутил Богданов. – Когда вылетаем?

– Завтра в десять утра.

– Команда в полном составе?

– Да, Слава, берешь всех. Как твои желторотики, готовы?

– Если вас интересует теоретическая часть, то да, парни готовы однозначно. А на деле? В деле я их еще не видел, товарищ полковник.

– Вот на месте и опробуешь. – Старцев улыбнулся краешком губ. – И вот что тебе нужно знать еще, Слава. Визит товарища Косыгина очень важен для нашей страны, и я объясню почему. В тысяча девятьсот шестьдесят девятом году Ливийское правительство ввело квоту на количество дипломатического и технического персонала, которому разрешено присутствовать на ливийской земле. Это ограничение касается посольств США, Великобритании, Франции и СССР. Восемь персон с дипломатическим статусом и семь человек технического персонала. Джеллуд подписал с нашим правительством договоренности о поставках оружия еще в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году, но развернуться в полном масштабе нам мешают эти пресловутые квоты.

– Чем же они мешают, товарищ полковник?

– А тем, Слава, что пользоваться поставленным оружием ливийцев нужно обучать. Нужно присутствие большого количества специалистов, а при квоте в семь человек техперсонала это невозможно. Визит товарища Косыгина должен все исправить, отменить квоту для Советского Союза, что даст возможность начать поставку советской авиационной техники для Военно-воздушных сил Ливии. А это, сам понимаешь, совсем другие масштабы. В верхах обсудили возможные последствия и постановили: предотвратить покушение любой ценой, визит Косыгина должен состояться на благодатной почве. Теперь изучай материалы, вникай в детали, а к восьми часам вечера собирай команду, автобус отвезет вас на базу. Стартуете с базы в восемь ноль-ноль.

* * *

От полковника Старцева Богданов вышел без четверти четыре. На дорогу до дома потратил сорок минут, припарковал «Москвич» у подъезда и в половине пятого открыл входную дверь. Квартира встретила подполковника тишиной и пустотой, жена с сыном Артемом должны были вернуться не раньше восьми. В этом году Артему исполнилось пятнадцать, он переходил из средней школы в старшую. Это означало, что он будет больше занят учебой, поэтому Елена старалась использовать оставшееся время, чтобы побыть с сыном. Весь последний год она, как одержимая, таскала Артема по всевозможным выставкам, музеям, литературным вечерам и прочим познавательно-развлекательным мероприятиям. Как ни странно, сын относился к желаниям Елены с пониманием, так что проблем в семье из-за этого не возникло. Правда, из-за гиперактивности жены подполковник Богданов все чаще приходил в пустую квартиру, но с этим он мог смириться.

Богданов прошел на кухню, поставил чайник на плиту. Ему предстояло обзвонить команду, а чтобы делать это с комфортом, он перенес телефонный аппарат из гостиной на кухню, протянув длинный шнур через весь коридор. Устроился у окна, закурил и набрал первый номер телефона, решив для начала пройтись по «старожилам» спецподразделения «Дон». Заместитель Богданова, майор Александр Дубко, трубку не взял. Зато капитан Дорохин поднял трубку после первого же гудка.

– Здравия желаю, товарищ капитан, – нарочито торжественно проговорил в трубку Богданов. Дорохин всего два месяца как получил новое звание и до жути гордился этим, поэтому ребята из спецподразделения, включая командира, при каждом удобном случае поддразнивали новоиспеченного капитана.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – поздоровался в ответ Дорохин, ничуть не смущенный официальным приветствием. – Дело наклеывается?

– Угадал, капитан. Готов к новым свершениям?

– Я как пионер, товарищ подполковник, всегда готов, – пошутил Дорохин.

– Значит, в восемь вечера, как всегда, на площади Ильинские Ворота.

– Надолго?

– А что, у тебя какие-то планы?

– Никаких особых планов. – Дорохин замялся, видимо, не желая раскрывать перед командиром истинную причину. – Предупредить кое-кого хотел.

– Ого! У тебя новая подружка? – тут же отреагировал Богданов. – Кто такая? Откуда взялась? Насколько все серьезно?

– Да ничего особенного, командир. Просто знакомая.

– Перед «просто знакомой» ты отчитываться не стал бы, – возразил Богданов. – Давай рассказывай, кто такая?

– Да правда, командир, нечего еще рассказывать.

– Ну, как знаешь, – Богданов сдал назад. – Насчет сроков: на этот раз, думаю, надолго.

– Понял, командир. Буду на месте ровно в восемь.

На этом разговор закончился. Богданов налил в стакан крепкий чай, всыпал сахара, прикурил новую сигарету и повторно набрал номер телефона Дубко. Тот снова не ответил, и Богданов позвонил Казанцу. Юра Казанец пришел в спецподразделение «Дон» восемь лет назад безусым сержантом, за время службы в группе дослужился до прапорщика, а три года назад поступил в Краснознаменный институт (КИ) КГБ СССР, который в 1968 году получил статус высшего учебного заведения. Учеба, совмещаемая со службой в особом отделе при Управлении, – дело нередкое, но утомительное. Трижды Казанец оказывался на грани отчисления, дважды боролся с желанием бросить учебу, но все же испытание выдержал и в прошлом году

получил диплом о высшем военном образовании, а вместе с ним и звание лейтенанта. Сложности учебного процесса несколько охладили радость Казанца от получения офицерского статуса, так что, в отличие от Дорохина, новым званием он не слишком кичился.

– Казанец на проводе. – Голос лейтенанта звучал вяло.

– Спишь что ли, Юрок?

– У меня выходной, имею законное право. – Казанец подавил зевок. – По делу, командир, или просто о здоровье справиться?

– А тебе как бы больше понравилось: в постельке нежиться или Родине служить? – поддел Богданов.

– Лучше бы о здоровье, – не стал отпираться Казанец. – Не поверишь, командир, три дня отсыпаюсь, никак отоспаться не могу.

– Прости, друг, порадовать тебя не могу. Поднимайся, разгуливайся и к восьми к Ильинским.

– Черт, а я так надеялся на долгий отдых. – Казанец вздохнул. – Ладно, я понял, командир. Пойду в душ, хоть немного взбодрюсь.

– Может, у тебя со здоровьем проблемы? Такой сон явно не является признаком крепкого здоровья, – высказал предположение Богданов. – Доложу начальству, дам отвод от задания...

– Спасибо, командир, я в норме, – поспешил сказать Казанец. – Наверное, сам себя распустил, расслабился. Здоровье точно в порядке.

– Смотри, Юра, если и правда проблемы, лучше переждать.

– Я в норме. Уже и проснулся, и взбодрился. К восьми буду на месте.

Казанец прервал разговор. Богданов с минуту сидел в раздумье, анализируя разговор с подчиненным, затем снова набрал номер телефона Дубко. Результат оказался прежним. «Где тебя черти носят, Саша? – слегка раздраженно подумал Богданов. – Сроки короткие, а ты трубку не берешь. Без тебя придется ехать?» Перспектива отправиться на задание в беспокойные африканские страны без своего заместителя и верного друга подполковника не прельщала. Тем более что половина отряда – бойцы-новобранцы, так сказать «необстрелянный» контингент.

Из новобранцев, а их в спецподразделении «Дон» на настоящий момент насчитывалось три человека, только один попал на предыдущее задание, да и то проявил себя не с лучшей стороны. Да, прежде чем попасть в спецподразделение, бойцы проходили жесткий отбор, а затем долгие месяцы обучения и подготовки в Учебном центре КГБ, но и это не давало полной гарантии, что боец справится с задачами, которые руководство ставило перед спецотрядом. Физическая подготовка, военная тактика и стратегия, спецдисциплины – все это можно было освоить. Политические нюансы и особенности деятельности на территории сторонних государств нарабатывались в процессе выполнения заданий. Чем больше заданий выполняешь – тем легче вникаешь в специфику работы. А вот в психологическом плане все оказывалось гораздо сложнее, чем представляли себе новобранцы, проходя подготовку в Центре, и это почти всегда создавало проблемы.

Капитан Лепилин поступил под начало подполковника Богданова в конце февраля этого года. С виду спокойный, рассудительный малый, ответственный, в меру исполнительный. Возможно, с юмором перебор, отчего с первых дней получил в группе прозвище Леха-балагур, но Богданов надеялся, что на работе его веселый нрав сказываться не будет. Для того чтобы новичок быстрее влился в коллектив, группу, как всегда, на месяц собрали на базе. Общий режим, тренировки, рукопашка и стрельбище, а в свободное время разговоры по душам. В конце марта группа получила новое задание, но так как количество бойцов, которых рекомендовано было взять на задание, оказалось ограниченным, Лепилин остался в Москве.

К моменту получения второго задания он внезапно подхватил какую-то заразу и загремел в госпиталь. Провалился в госпитале до середины апреля, затем еще неделю находился на

домашнем лечении, но в конце апреля все же поправился настолько, что Богданов смог взять его на задание. Тут и обнаружилась «странная особенность» их нового бойца...

Телефонный звонок прервал мысли Богданова.

– Квартира Богдановых, – подняв трубку, произнес он заученную фразу.

– Привет, папа, – в трубке зазвучал голос сына. – Не знал, застану ли тебя дома.

– Привет, сынок, – в голосе подполковника послышались теплые нотки. – Не ожидал звонка. Вы же с мамой сегодня у Зотовых на литературном вечере?

– Да, мы здесь. Сейчас технический перерыв. Типа, мальчики направо, девочки налево. Я вот позвонить решил.

– И правильно сделал.

– Слушай, я спросить хотел: ты долго еще дома пробудешь?

– С какой целью интересуешься?

– Да тут ребята предлагают на выходные в Подмоскovie сгонять. У Костика родичи дачу купили, просят землю вскопать. Им двенадцать соток до осени копать, а мы с ребятами за выходные все вспашем.

– Ух ты, не знал, что в московских школах теперь землепашество преподают. – Богданов усмехнулся. – Из вашей компании хоть кто-то лопату в руках держал? Двенадцать соток за два дня – серьезное заявление.

– Ерунда! Копать землю не такое уж сложное занятие, тем более когда в награду предлагаются баня и шашлыки.

– К экзаменам подготовка не прилагается? Или вашей компании автоматом выпускные экзамены ставят?

– Ну, папа! Не начинай. Сдам я экзамены, в девятый точно перейду, а больше они ни на что не влияют. Все поедут: и Слон, и Длинный, и Карамболь.

– Ну, если Карамболь едет, то и тебе непременно нужно там быть, – пошутил Богданов.

– Я серьезно, папа.

– Конечно, поезжай, сынок, если мама не против.

– Она не против... – Артем замялся. – Она с нами поедет.

– Вот как? Под присмотром, значит?

– Не под присмотром, а вместе. Вроде семейного отдыха, – пояснил Артем. – Ты же знаешь, как для нее важно проводить время вместе со мной. Ей почему-то кажется, что, перейдя в девятый класс, я перестану быть ее сыном.

– Женщины, – многозначительно протянул Богданов и добавил: – Это даже хорошо, что у вас с мамой на выходные есть планы.

– Уезжаешь? – догадался Артем.

– Сегодня в восемь сбор.

– Надолго?

– Пока не знаю, но думаю, не на одну неделю.

– Удачи тебе, папа. Жаль, не успеем до отъезда увидеться.

– Ничего. Зато встреча сердечнее получится. Маме привет передавай.

– Передам. Все, мне пора. Сейчас Аникина выступать будет. Она классно стихи читает, не хочу пропустить.

Разговор закончился. Богданов положил трубку на аппарат, взглянул на часы. Стрелки часов приближались к пяти, так что раздумывать на тему «мой сын вырос» времени не оставалось. Он по очереди набрал номера телефонов новичков, сухо сообщил им о времени и месте сбора, после чего снова набрал номер телефона Дубко. На этот раз звонок оказался продуктивным. Дубко снял трубку после шестого гудка и, тяжело дыша, произнес:

– Слушаю.

– Привет, Саша, что так тяжело дышишь? – поздоровался Богданов.

– Да я после пробежки, на этаж поднимался, услышал звонок, – пояснил Дубко. – Подумал: вдруг ты звонишь, вот и торопился.

– Мог бы перезвонить.

– А вдруг не ты?

– Резонно. – Богданов помолчал. – Чего бегать надумал?

– Чтобы форму не терять. Засидишься дома, лишний вес нагонишь, потом избавляйся.

– Не знал, что у тебя проблемы с весом.

– У меня их нет. – Дубко рассмеялся. – Ты чего звонишь-то? Просто поболтать? Твоих опять дома нет?

Дубко был в курсе нововведения Елены, так что вопрос Богданова не удивил.

– Лена с Артемом на литературном вечере у Зотовых, а звоню я тебе по делу, – ответил он. – Сегодня Старцев вызывал.

– Новое задание?

– Да, отчаливаем завтра, а сегодня всем велено прибыть на базу. Ты на своей поедешь или, как все, на автобусе?

Последнее время Дубко предпочитал добираться до базы на личном транспорте, из чего и вытекал вопрос командира.

– Все едут?

– Да, берем всех.

– Заранее обсудить детали нужно?

– Не обязательно. У нас с тобой вся ночь впереди.

– Тогда я на своей, – подумав, ответил Дубко.

– Лепилин?

– Вот еще! – Дубко возмущенно фыркнул. – Просто так удобнее, час времени сэкономлю. Это тебе обязательно с группой ехать, а я – птица вольная. В этом, Слава, прелесть должности твоего зама. Пока вы будете до Ильинки добираться и в автобусе по ухабам трястись, я на своем «Москвиче» напрямки вдую и с комфортом размещусь в домике на базе.

– Хорошо, если так, – задумчиво протянул Богданов. – Не хотелось бы, чтобы личные отношения осложняли рабочий процесс.

– С моей стороны этого можешь не опасаться, – заверил Дубко. – Я парень незлопамятный. И вообще, если каждый раз, когда новички будут самоутверждаться, тратить себе нервы – здоровья не хватит.

– Не думаю, что здесь имело место самоутверждение.

– Брось, Слава, забудь. Плюнь и разотри, как это сделал я.

– Не имею права, Саша, иначе ситуация может повториться.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, а кто забудет – тому два? – хмыкнул Дубко. – Ладно, желаешь сохранить оба глаза – дело твое. Увидимся на базе.

И снова разговор прервался с другой стороны. Богданов в очередной раз положил трубку на телефонный аппарат. До выхода из дома оставался час, и он решил потратить его с пользой. Два месяца назад Артем попросил его повесить в комнате над столом открытые полки, чтобы он мог разложить на них нехитрые мальчишеские сувениры и расставить заработанные за восемь лет в школе и спорте награды. В промежутках между командировками Богданов подготовил все необходимое: рейки, уголки, дюбеля и собственно планки для изготовления полок, но до сборки руки так и не дошли.

Теперь он извлек все это «богатство» из кладовки, отнес в комнату сына, туда же принес дрель и молоток и приступил к работе. Заняться полкой он решил еще и потому, что хотел отвлечься от инцидента, связанного с Лепилиным. Минут десять хитрость работала, но после того, как работа пошла на автомате, мысли снова вернулись в наезженное русло и потекли

в нежелательном направлении. Мысленно он снова перенесся в душный домик, где группа базировалась при выполнении очередного задания.

Утро ничем не отличалось от всех предыдущих. На посту возле дома, за которым они вели слежку, Богданова сменил Казанец, и тот отправился отдыхать. Правда, при смене на посту ему показалось, что Казанец ведет себя слишком сдержанно и чересчур торопится отправить командира с поста, но он списал это ощущение на бессонную ночь. За эту ночь ему трижды пришлось следовать за объектом в разных направлениях, и каждый раз тот приводил его в какой-либо бар, где не происходило ровным счетом ничего примечательного. Парень просто хотел весело провести ночь, вот и все, но Богданова ночка вымотала основательно, поэтому он не стал допытываться у Казанца, все ли у того в порядке, вместо этого поспешил вернуться в дом, чтобы хорошенько выспаться.

Едва переступив порог, он понял, что в его отсутствие что-то произошло. Коля Дорохин сидел возле окна и даже головы не повернул на звук открывающейся двери. В комнате стоял едкий сигаретный дым, а перед Дорохиным – консервная банка, полная окурков. В руках он держал дымящуюся сигарету, хотя два месяца назад объявил всем, что начинает беспощадную борьбу с пагубной привычкой и берет на себя обязательство к лету полностью избавиться от никотиновой зависимости.

– Привет, Коля! Вижу, никотиновый змей одержал верх над бойцом спецподразделения? – шутливо произнес Богданов, но Дорохин никак на его шутку не отреагировал. Даже не повернулся.

– Где Дубко? – задал вопрос Богданов, чтобы как-то расшевелить товарища.

Дорохин пожал плечами, но не ответил. Богданов прошел на кухню, там Дубко тоже не оказалось. Он сбросил куртку, достал из кастрюли кусок мяса, из холщового пакета – булку хлеба. Отломив кусок, положил на него мясо, откусил от бутерброда и вернулся в комнату.

– Ты лично мне бойкот объявил, Коля, – все еще шутливым тоном спросил Богданов, – или что-то случилось?

– Я в норме, – хрипло ответил Дорохин, но головы так и не повернул.

– Что-то мне не верится, Коля. Когда ты в норме, то хотя бы поесть мне предлагаешь. Я все-таки со смены вернулся.

– Еда на кухне. Наверное.

– Так, – протянул Богданов. – Давай-ка выкладывай, что у тебя стряслось.

– Я в норме.

– Тогда кто не в норме? И где Дубко, где Лепилин? Можешь ты мне ответить?

– Не мое дело, – огрызнулся Дорохин. – Я им не сторож.

– Вот как! С каких пор простой вопрос вызывает такую агрессию? – Ответ Дорохина озадачил Богданова.

– С тех самых пор, когда вы в команду начали набирать всякое дерьмо, – выдал Дорохин. На этот раз он повернулся к командиру и дерзко взглянул ему в глаза.

– А вот с этого места поподробнее. – Богданов уже понял, что речь пойдет о Лепилине, но представления не имел, что тот мог отмочить, сидя в доме.

– Не буду я никому ничего докладывать! – взвился Дорохин. – Кому надо – пусть тот и докладывает.

– Видно, придется тебе напомнить, что я – твой командир. И сейчас не как друг к тебе обращаюсь, а как командир, – четко, с расстановкой произнес Богданов. – А чтобы стало понятнее, повторюсь: капитан Дорохин, доложить о происшествии!

– Плевать мне на твои пояснения и повторения! Задолбало все!

Дорохин схватился за пачку, трясущимися руками выбил сигарету, схватил со стола спички, но прикурить не успел. Одним прыжком Богданов подскочил к Дорохину и забрал у того сигарету. Сжав ее в кулаке, высыпал табак на пол и встал лицом к лицу с Дорохиным.

– Приди в себя, Коля, – угрожающим тоном произнес Богданов.

С минуту Дорохин стоял напротив командира, сжимая кулаки, готовый кинуться в драку. Затем кулаки разжались, тело расслабилось, он отступил назад и сел на табурет.

– Прости, Слава, погорячился, – негромко произнес он. – Просто все это дерьмо...

– Да что тут у вас произошло? – повторил Богданов.

– Лепилин – говнюк.

– Это я уже понял. Что именно он натворил?

– Выше головы решил прыгнуть. Чуть всех нас не подставил, гад!

– Коля, говори по существу, – потребовал Богданов. – Имей в виду, у меня терпение тоже не беспредельное. Я голоден, устал и хочу спать, а не разбираться в ваших проблемах.

– Лучше пусть Дубко доложит, – заявил Дорохин. – Боюсь, я не смогу быть объективным после такого утречка.

– Ничего, я отделию твои эмоции от действительности. Рассказывай!

Дело оказалось и правда серьезным. В четверть четвертого утра Дорохин встал по нужде и обнаружил у входной двери одетого для выхода на прогулку Лепилина. Он, естественно, удивился и задал резонный вопрос: куда собрался новобранец в чужой стране в три часа ночи? Тот заявил, что решил погулять по близлежащим улицам, так как его одолела бессонница. Лепилинскому трепу Дорохин, естественно, не поверил, так как из соображений безопасности всем членам группы без исключения разрешалось выходить из дома только для выполнения конкретного задания, а, насколько было известно Дорохину, никакого задания Лепилин не получал. Он оттеснил Лепилина от двери и велел выкладывать, что тот задумал, напомнив ему о запрете на выход из дома для всех без исключения.

– В этом-то и проблема, – заявил Лепилин. – Мы две недели здесь торчим, а мне было позволено выйти из дома всего дважды. Меня даже от дежурств отстранили! Почему, не скажешь мне, товарищ капитан?

– Так лучше для пользы дела, – просто ответил Дорохин, и тут Лепилина прорвало.

– Лучше для дела? Не морочь мне голову! Вы две недели ходите вокруг этого осла, за которым ведется слежка, и никакой пользы. А меня в дело не берете, потому что ставите себя выше меня. Только ни черта вы не выше! И насчет вашего осла у меня есть свои соображения. Будь я в деле, давно бы вывел его на чистую воду, получив доказательства того, что это он сливает информацию о наших агентах конкурирующей организации. Только кто будет меня слушать, если все вы в спецподразделении не первый год, а я всего лишь пришлый новичок?

– И ты решил взять инициативу в свои руки? – Дорохин пропустил мимо ушей все обвинения Лепилина, сосредоточившись на главном. – Не слишком ли много на себя берешь, Леха?

– Вот-вот, я для вас не более чем Леха-балагур? Или думал, не знаю, как вы меня за глаза называете? Думаете, я шут гороховый.

– Почему же за глаза? – Дорохин усмехнулся. – Не нравится прозвище – попробуй вести себя иначе, и прозвище отлипнет.

– Да пошел ты! Без тебя разберусь, как мне себя вести.

– Тоже верно, в свободное время можешь вести себя как угодно. Хоть без штанов по городу бегать, но когда ты на задании, никакой отсебятины мы не потерпим.

– Да кто ты такой, чтобы мне указывать? Такой же, как и я, капитанишка, а туда же. Отойди от двери, Дорохин! Надоело мне с тобой лясы точить.

– Никуда ты не пойдешь, Лепилин. – Дорохин оперся спиной о входную дверь.

– Желаешь силы свои испытать? Я потяжелее тебя буду, мастер спорта международного класса по вольной борьбе, плюс возраст. На сколько ты меня старше, лет на пять? Вот и подумай, оно тебе надо?

– Выходит, драться со мной надумал? – Дорохин усмехнулся не веря в серьезность намерений Лепилина.

Но тот не шутил. Пару минут он стоял, тупо глядя себе под ноги, а потом вдруг бросился на Дорохина. Вес у Лепилина и правда превосходил вес Дорохина килограммов на двадцать, и в медвежьей хватке у Дорохина затрещали ребра, но он не сплеховал. Один хитрый прием, и Лепилин лежал на полу с заломленными руками. Правда, недолго. Вес сыграл свою роль, Лепилин вывернулся из-под Дорохина, откинул его к стене и рванул к двери.

– Да что за детский сад, – взревел Дорохин. – Я что, по улицам за тобой бегать буду?

А Лепилин уже открывал дверь. Пришлось Дорохину снова броситься врукопашную. Завязалась борьба, на пол полетел табурет, затем посуда с полки. На шум из спальни выбежал заспанный Дубко. Открывшаяся картина его ошеломила. Он застыл в дверях всего на пару секунд, затем громко свистнул и прокричал, не особо надеясь на успех:

– Отставить потасовку!

В этот момент Дорохин в очередной раз заломил руки Лепилина за спину. Удерживая его своим весом на полу, он одной рукой сорвал с пояса ремень и накиннул петлю на руки Лепилина.

– Не стой столбом, майор, – не поворачивая головы, крикнул он Дубко. – Лучше помоги стреножить придурка.

Майор без лишних вопросов перехватил петлю из рук Дорохина и затянул узел на руках Лепилина.

– Ноги тоже вяжи, – скомандовал Дорохин. – А то он у нас, оказывается, бегун.

В этот момент в комнату вошел лейтенант Казанец. Быстро сориентировавшись в обстановке, он бросился на помощь Дорохину.

– Что случилось? – выполняя команду Дорохина, спросил Казанец.

– Сейчас узнаешь, – пообещал Дорохин.

Связав Лепилина по рукам и ногам, Дорохин отволок его от двери и обратился к Дубко:

– У командира сигареты есть?

– Ты же бросил, – выдал Дубко.

Реплика прозвучала глупо, Дорохин хмыкнул и направился в спальню командира. Через полминуты вернулся с пачкой сигарет и коробком спичек, сел на табурет у окна и, закурив, глубоко затянулся. Все это время Лепилин лежал у стены и молчал.

– Теперь расскажешь, что у вас здесь за фигня творится? – задал вопрос Дубко.

– У этого деятеля спроси, – Дорохин кивком указал на Лепилина.

– Что-то мне подсказывает, что говорить он не захочет, – произнес Дубко.

– А ты попробуй. Может, он и тебе расскажет, как тяжело живется новобранцу в спецподразделении.

Говорить Лепилин отказался, пришлось Дорохину докладывать о том, по какой причине произошел конфликт, который привел к таким последствиям. Узнав о том, что Лепилин собирался реализовать какой-то свой план по разоблачению стукача, Дубко сильно разозлился. Битых полчаса он объяснял Лепилину, почему в спецподразделении не приветствуется своеволие, и в итоге получил от него почти такую же отповедь, как до него Дорохин. Разумные доводы не действовали на Лепилина, а под конец беседы он и вовсе перешел на оскорбления, назвав майора «тупоголовым подхалимом», который только и умеет, что чужие приказы исполнять. Этого Дубко не стерпел и решил, что пришло время преподать новобранцу урок. При помощи Казанца он отволок его в сарай, затолкал в клеть для домашней птицы, а сам уселся у входа, караулить строптивного бойца, чтобы тот не натворил новых глупостей.

Пару раз за это время Лепилин предпринимал попытки бунтовать, грозился доложить о неподобающем обращении с офицером КГБ в вышестоящие инстанции, из чего Дубко сделал однозначный вывод: возвращать провинившегося бойца в дом пока не стоит. В итоге к моменту возвращения командира все трое не смогли выспаться. Дорохин сидел на кухне и курил одну сигарету за другой, Дубко нес караул у сарая, а Лепилин предпринимал попытки освободиться. Казанец же заступил на дежурство, проспав едва ли три часа.

Богданова ситуация озадачила: такого в группе еще не случалось, и он попросту не знал, как поступить. Но решать проблему было необходимо. Прежде чем вызывать Дубко, Богданов перекусил. Во-первых, чтобы не сидеть голодным, и во-вторых, чтобы дать себе время переварить информацию. После этого собрался и пошел к сараю. Увидев его, Дубко поднялся, пошел навстречу.

– Вот такие у нас дела, Слава, – произнес он, поравнявшись с командиром.

– Хреновые дела, Саша. – Богданов остановился, закурил сигарету. – Что думаешь обо всем об этом?

– Зарвался парень, – прокомментировал Дубко. – Решил, что раз он в элитную группу попал, значит, теперь ему все дозволено. Равенства ему подавай, оценивай по достоинству. А какое там достоинство?

– Возможно, ты не прав, Саша, – возразил Богданов. – Первое задание, может, нервы не выдержали. Психологическое напряжение от работы в чужой стране да без прикрытия не каждый выдержит.

– Значит, делать ему в нашей группе нечего, раз такой чувствительный.

– Не торопись с выводами, Саша. Так мы никогда группу не соберем. Сколько уже в урезанном состоянии работаем? Будем всех отбраковывать – начальство нас самих отбракует.

– С чего бы нас отбраковывать? Или мы с заданиями не справляемся? Сам подумай, Слава, как с таким на задание ходить? Чего еще от него ожидать?

– Послушаем, что он сам скажет, – предложил Богданов и вошел в сарай.

Лепилин лежал на полу в птичнике и смотрел в потолок. При появлении командира он повернулся лицом к входной двери. Пару минут Богданов молча рассматривал новобранца. Затем нашел какой-то ящик, поставил на попа, сел напротив Лепилина и проговорил:

– Мне доложили, что ты недоволен тем, как я использую человеческие ресурсы? – Лепилин промолчал, и Богданов продолжил: – Почему мне не сказал? Почему решил действовать за моей спиной?

– Я не действовал за чьей-то спиной, просто так сложилось!

– Просто сложилось, что ты решил взять инициативу в свои руки в мое отсутствие? Не вчера, не завтра, а именно сегодня?

– Просто так сложилось, – упрямо повторил Лепилин. – У меня было время подумать, я осознал, что поступил глупо и необдуманно, но время вспять не повернешь. Что теперь?

– Зависит от тебя, – выдержав паузу, произнес Богданов. – Если твоя выходка не более чем сиюминутный порыв, с этим мы справимся, но если такое поведение является нормой для тебя, нам придется расстаться. Причем немедленно. Я напишу рапорт в Москву, и тебя отзовут.

Лепилин крепко задумался. Он уже не был ни разъярен, ни обижен, а только жалок. В конце концов он заявил, что его выходка, продиктованная неверно сделанными выводами, больше не повторится, и командир может рассчитывать на его полное повиновение. Так как отправить Лепилина в Москву немедленно у Богданова на самом деле возможности не было, он сделал вид, что поверил бойцу. Из сарая его выпустили, и до окончания дела больше инцидентов с его стороны не случилось.

По возвращении в Москву жалоб на действия командира и членов спецподразделения не поступило. Дорохину и Дубко Лепилин принес извинения в присутствии всей группы, и инцидент вроде как замяли, списав действия новобранца на психологическую нагрузку, полученную при выполнении первого задания. Но, как говорится, осадочек остался, и это вызывало у командира опасения. Он постоянно задавал себе вопрос, правильно ли поступил, оставив Лепилина в группе, и никак не мог прийти к однозначному ответу. «Поживем – увидим», – каждый раз приходил Богданов к такому выводу в своих размышлениях...

Вот и сейчас, в очередной раз прокрутив в голове сложившуюся с Лепилиным ситуацию, он решил, что время покажет, стоило ли оставлять парня в группе.

Полки в комнате сына обрели законченный вид. Богданов убрал инструменты в кладовку, прибрал за собой в комнате, погасил в квартире свет, забросил на плечи рюкзак и вышел из дома.

Глава 2

К площади Ильинские Ворота, постоянному месту сбора спецподразделения «Дон», Богданов подъехал без четверти восемь. Автобус, на котором группа добиралась до базы, стоял на парковке. У открытого капота с озабоченным видом стоял водитель группы, Григорий Иванько. У ворот, ожидая отправки, собралась вся группа. Богданов пересек дорогу, дошел до автобуса и остановился рядом с водителем.

– Привет, Гриша! – Он протянул водителю руку для рукопожатия.

– Добрый вечер, Вячеслав Антонович. Прости, руки не пожму, весь в масле. – В подтверждение своих слов Иванько продемонстрировал кисти рук, испачканные моторным маслом.

За долгие годы совместной работы Иванько и Богданов давно перешли на «ты», но обращался к командиру спецподразделения Иванько неизменно по имени-отчеству, выражая таким образом уважение к его званию и должности.

– Что, снова проблемы с движком? – Богданов сочувственно покачал головой.

– А как не будет проблем, Вячеслав Антонович? – Тринадцать лет автобус не меняли. Как выдали в шестьдесят втором, так я с ним и не расставался. Всем в Управлении уже минимум по два раза новый транспорт пригоняли, а мне – шиш.

– Знаю, Гриша, но кто же виноват, что из всех водителей один ты с капризной техникой справляешься? Видимо, в хозяйственном отделе считают, что твой автобус свой ресурс еще не исчерпал.

– Ага, или экономят на мне, чтобы себе поновее тачку выписать. – Иванько негромко выругался. – Хоть бы ты за меня словечко перед полковником Старцевым замолвил. Ведь встанет транспорт, на чем тогда до базы добираться будете?

– Так ты не ремонтируй, – посоветовал Богданов. – Скажи – ремонту не подлежит, тогда сразу новый автобус получишь.

– Не могу я так, Вячеслав Антонович, ты же знаешь. Ночами спать не буду, пока не выясню, что не так с моим железным конем, а кое-кто этим пользуется.

– Согласен, «ПАЗ-652» из моды давно вышел, а тебе, наверное, на «луноходе» погонять хочется.

«Луноходом» в обиходе называли «ЛиАЗ- 677», который с шестьдесят седьмого года выпускал Ликинский автобусный завод. Марка этого автобуса оказалась настолько удачной, что через пять лет после выхода с конвейера «шестьсот семьдесят седьмой» стал неотъемлемым атрибутом любого городского пейзажа, да еще поставлялся на экспорт.

– Шикарная модель. – Иванько поцокал языком, выражая свое восхищение. – Бензиновый движок мощностью в сто восемьдесят лошадок, скорость до семидесяти километров в час, двухступенчатая гидромеханическая автоматическая коробка передач. Можно сказать – прогрессивное решение. Бензина, правда, жрет больше, чем гиппопотам травы, но зато какой плавный ход! Только кто мне его даст? Он рассчитан на перевозку более ста пассажиров зараз, а у меня едва ли десяток набирается. Эх, видно, придется до пенсии под «пазиком» проваляться. А то, глядишь, и на пенсию вместе с ним пойдем.

– Ого, ты никак на пенсию собрался? С чего бы вдруг? – удивился Богданов. – Тебе до пенсии еще лет десять.

– Семь, – поправил Иванько. – Пятьдесят три в прошлом месяце стукнуло.

– Тогда с чего разговоры про пенсию?

– Возможно, придется досрочную оформлять, – Иванько вздохнул. – Не хочется насыщенное место терять, да деваться некуда.

– В семье проблемы? – догадался Богданов.

– Да Иринка опять... – Иванько не закончил фразу, махнул рукой.

О проблемах в семье Иванько подполковник Богданов был осведомлен не так давно. До этого он считал, что у Григория в семье нет никаких проблем: любимая работа, любящая, заботливая жена, умница дочь, возможно, слишком рано выскочившая замуж, но уважительная и трудолюбивая. Чего еще простому мужику для счастья надо? Того же мнения о своей жизни был и сам Григорий. Но...

Год назад у Иванько умерла жена. Тогда же он узнал об истинном положении дел в семье дочери Ирины. Муж ее, чиновник среднего звена московского госаппарата, оказался весьма неприятной личностью. Мало того, что за последние годы он пристрастился к спиртному, так еще начал руку на жену поднимать. Когда же Иванько решил разобраться с ним по-мужски, дочь закатила истерику, заявив, что любит мужа и отец не имеет права вмешиваться в их личную жизнь. Иванько отступил, но ситуация с каждым днем становилась все хуже, и теперь он подумывал о том, чтобы увезти дочь из Москвы насовсем. Как говорится: с глаз долой – из сердца вон.

– Снова зять дебоширит? Хочешь, я с ним потолкую? – предложил Богданов. – Припугну как следует, может, хоть руки распускать перестанет.

– Спасибо, Вячеслав Антонович, не стоит. Толку от разговоров не будет, пока Иринка сама не поймет, что лучше никакого мужа, чем такой. Хоть бы родила, что ли, от этого недо-человека, все какая-то отрада.

– Может, и к лучшему, что не рожает. С такими генами не знаешь, что в результате получишь. К тому же, если муж из него никудышный, то и отец будет такой же.

– Тоже верно. Только жалко ее. Двадцать пять уже, а детей нет. Что это за жизнь, Вячеслав Антонович, без детей-то? А так, глядишь, и муж остепенился бы.

– Может, и так, – не стал спорить Богданов.

– Ладно, пойду гайки крутить, а то твои архаровцы уже устали ноги мять в ожидании отправления.

Богданов перевел взгляд на группу. Бойцы скучковались ближе к воротам и в нетерпении бросали взгляды в сторону командира.

– Долго тебе еще? – спросил Богданов у Иванько.

– Почти закончил. Две гайки на место вернуть, руки оттереть – и можно ехать.

– Тогда я сажаю в транспорт группу?

– Сажай, Вячеслав Антонович, двери я открою.

Богданов забросил свой рюкзак в автобус и направился к группе.

– Здорово, бойцы, – бодро поздоровался он.

– Здравия желаю, товарищ командир.

– Здравия желаю.

– Здорово, командир, – посыпались приветствия.

– Вижу, все в сборе?

– Саши Дубко нет, – за всех ответил Коля Дорохин.

– Он своим ходом доберется, – ответил Богданов. – Пойдемте грузиться, бойцы.

Группа направилась к автобусу. Николай Дорохин придержал командира за руку.

– Куда нас, командир? – негромко спросил он.

– Все сообщу на базе, – ответил Богданов.

– Идем всей группой?

– Полагаю, тебя интересует, идет ли с нами Лепилин? – догадался Богданов. – Да, Коля, он тоже идет. У тебя с ним какие-то проблемы?

– У меня проблем нет, – пожал плечами Дорохин. – Опасаюсь, как бы у тебя снова не возникли с ним проблемы.

– Когда возникнут, тогда и будем их решать. Сейчас проблем нет? Значит, и обсуждать нечего, – отрезал Богданов. – Не нагнетай, Коля. Расслабься и попытайся абстрагироваться от ситуации.

Дорохин не ответил, только ускорил шаг, оставляя командира позади.

Погрузились в автобус. Иванько закончил ремонтные дела, обтер руки о сухую ветошь и занял водительское место.

– Ну, что, ребята, погнали? – весело произнес он, завел двигатель и поехал к выезду из города.

Дорога до базы заняла, как всегда, тридцать минут. Остановив автобус у въездных ворот, Иванько открыл дверь. Подполковник Богданов вышел из автобуса и направился к сторожке, выполняющей функции контрольно-пропускного пункта. С некоторых пор въезд на территорию загородной базы проходил по новым правилам. Командир подразделения должен был лично поставить подпись в журнале у сменного командира взвода, предъявив при этом не только выписанный в Управлении пропуск, но и личные документы, удостоверяющие личность. Тот факт, что дежурные командиры знали весь комсостав в лицо, ничего не менял. До предъявления документов дежурный наряд шлагбаум не поднимал.

– Здравия желаю, – войдя в помещение сторожки, поздоровался Богданов. На посту стоял капитан Екимкин с командой новобранцев.

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – откозырял Екимкин. – Снова к нам?

– Такая работа. – Богданов достал удостоверение и пропуск. – Я смотрю, у вас офицеры наравне с салагами службу несут. Похвально.

– На этой неделе усиление, – пояснил капитан Екимкин. – Весь офицерский состав до майорского звания наряды контролирует. Передаем, так сказать, военный опыт.

– Военный опыт на КПП? Забавно. – Богданов усмехнулся. – Запишешь?

– Что сказать? Армия. И когда только им надоест бумагу переводить? – Досадливо качая головой, Екимкин взял документы и принялся старательно заполнять в журнале графы. – За месяц журнал изводим, и ведь по большей части приезжают-уезжают все свои. Ладно бы еще чужаков вписывать приказали, так нет, им этого мало. Пиши всех подряд, и чтобы без помарок. А напортачишь – придется весь журнал переписывать.

– Так вот почему ты сам журнал заполняешь. – Богданов улыбнулся. – Чтобы молодняк ошибок в твоём образцово-показательном журнале не наделал.

– Смешно вам, товарищ подполковник, а я за эту неделю трижды объяснительные вышестоящему начальству писал. – Екимкин закончил с документами и протянул их Богданову. – Продуктивно потренироваться вам, товарищ подполковник.

– Спасибо, – поблагодарил Богданов и покинул КПП.

Наряд контрольно-пропускного пункта поднял шлагбаум, автобус въехал на территорию базы и покатил к отдельно стоящему домику, принадлежащему спецгруппе «Дон». При приближении к дому, огороженному отдельным забором, на дорогу вышел дежурный наряд, отвечающий за сохранность боевого арсенала, хранящегося в домике спецподразделения. Проверка документов не входила в их обязанности. Дежурный лишь открыл ворота, пропуская автобус. Иванько заглушил двигатель перед крыльцом, группа быстро выгрузила личные вещи, и выстроилась в шеренгу перед командиром.

– Пятнадцать минут личного времени. В двадцать сорок пять сбор в гостиной, – скомандовал Богданов. – Разойдись.

Бойцы подхватили рюкзаки и спортивные сумки и зашагали в домик. Во дворе остался только Григорий Иванько.

– Останешься до утра? – обратился к нему Богданов.

– Если найдете, где переночевать, – ответил Иванько. – Дома меня никто не ждет, есть ли смысл кататься, бензин тратить?

– Спальное место организуем, это не проблема. Только, сам понимаешь, разговоры у нас пойдут сугубо секретные. Уши затыкать будешь?

– Это ни к чему. Отгоню автобус подальше, фонарь возьму и с движком повожусь. Все лучше, чем в четырех стенах одному сидеть.

– Добро, оставайся, – разрешил Богданов. Иванько он сочувствовал: тридцать лет прожить с женой душа в душу и в пятьдесят три остаться одному – перспектива не слишком приятная. Искать новую жену дело хлопотное и не всегда продуктивное. По статистике, в возрасте от пятидесяти и выше одиноких женщин больше, чем мужчин, да только в этом возрасте все они ищут смысл жизни в своих детях и внуках, а не о свиданиях с овдовевшими мужиками мечтают. К тому же не каждый может под новую жену подладиться, поменять привычный жизненный уклад, перекроив его под другого человека. Вот и живут вдовцы одиноко, погружаясь с головой в работу, а кто-то начинает дружить с зеленым змием. Пить после смерти жены Иванько не начал, и за это Богданов уважал его еще сильнее, поэтому старался облегчить его тоску, как мог.

– Покажешь, где можно расположиться?

– Пойдем, – Богданов махнул рукой.

Вместе они вошли в дом, где их встретил майор Дубко. Поздоровавшись, майор обратился к Иванько:

– Ты остаешься, Гриша?

– Да, командир разрешил, – кивнул Иванько. – Сказал: найдем местечко, где твои старые кости на ночлег кинуть.

– Так-таки и старые! Прибедняешься, Гриша. Ты у нас моложе всех молодых. Правда, у нас теперь с боевым составом небольшой перебор, – начал Дубко. – Дом рассчитан на шесть человек, а нас по списку семеро, но для тебя, Гриша, место всегда найдется. В чулане есть раскладушка, можешь забирать.

– Отлично. Куда поставить? – Вопрос Иванько адресовал Богданову.

– Поставь на кухне, отбой в двенадцать. Там же можешь перекусить. Готовить мы не будем, обойдемся сухим пайком, так что и тебе придется довольствоваться перекусом.

– Неважно, Вячеслав Антонович. Я теперь по большей части так перекусами и обхожусь. Иванько пошел в кладовую, а Дубко утянул Богданова обратно на улицу.

– Как добрались? – задал он первый вопрос.

– Нормально. Хочешь о погоде поболтать? – пошутил Богданов.

– Нет, хочу первым услышать, куда на этот раз нас Родина-мать забросить решила, – ответил Дубко.

– Ливия, – коротко произнес Богданов.

– У-у-у! Снова Африка. И когда только нас в цивилизованные страны отправлять начнут?

– Тогда, Саша, когда власти цивилизованных стран решат Советскому Союзу палки в колеса вставлять. Видимо, об этом ты мечтаешь, – снова пошутил Богданов.

– Нет, конечно, о конфликтах с Великобританией или Францией я не мечтаю, но как же было бы приятно выпить чашечку кофе где-нибудь в Гайд-парке или прогуляться по Елисейским Полям, – мечтательно произнес Дубко.

– А заодно потягаться с агентами британской разведки МИ-6 или с агентами ее французского аналога в лице генерального директората внешней разведки.

– И все равно это лучше, чем бегать по джунглям в поисках не совсем адекватного борца за свободу всех угнетенных, – заметил Дубко, намекая на их совместное задание, когда группе пришлось не одну неделю «осваивать» боливийские джунгли.

– К сожалению, твоим желаниям не суждено сбыться. Мы летим в Ливию.

– Усмирять Каддафи?

– Нет, Саша, Каддафи мы будем защищать, – ответил Богданов. – Ладно, пойдем внутрь. Вводную дам всем сразу, потом обсудим, каковы наши перспективы.

Группа в полном составе ожидала командира и его зама в гостиной-кухне. На представление вводной ушло чуть больше пятнадцати минут, после чего Богданов отдал распоряжение отправляться всем на стрельбище, поставив капитана Дорохина старшим. Сам Богданов, захватив Дубко, перебрался в кабинет, расположенный в мансардном этаже дома, для более детального обсуждения плана.

– Как ты уже понял, Саша, перед нами поставлена задача предотвратить диверсию, – начал подполковник Богданов, как только они остались одни. – Мы должны выяснить, действительно ли на Муаммара Каддафи готовится покушение, и, если информация верна, понять, кто стоит за подготовкой покушения и как его можно предотвратить. Советско-ливийские отношения строятся на желании Каддафи иметь сильную, хорошо оснащенную и обученную армию, но все, что касается идеологических мировоззрений Советского правительства – тут Каддафи ставит железный заслон. Ему не интересны наши политические и идеологические взгляды. Более того, в верхах считают, что, если Каддафи заподозрит Советский Союз в желании начать насаждение своей идеологии в его стране, он скорее откажется от всех благ, которые сулит ему сотрудничество с СССР, чем позволит такому случиться.

– И этим фактом могут воспользоваться наши противники, – закончил за Богданова мысль Дубко. – Я понимаю, командир. Так что нам известно?

– На самом деле – почти ничего. Есть человек, который владеет информацией о готовящемся покушении. С ним мы должны встретиться, проанализировать его слова, проверить, насколько они правдивы, а затем действовать.

– И все? Это все, чем мы владеем? – Дубко присвистнул. – Негусто.

– Как обычно, Саша, ничего нового, – пожал плечами Богданов. – Одно хорошо: на этот раз у нас будет связь с Центром и человек, который обеспечит нас всем необходимым.

– Все необходимое – это оружие?

– Не только. В Ливию мы летим по туристической визе. Из Москвы в Стамбул, оттуда в Триполи. Там нас встретит человек из числа штатных агентов внешней разведки. Жилье, транспорт, питание – все на нем. Если понадобится оружие или спецтранспорт, информация о представителях власти и военных или доступ в государственные учреждения – по этим вопросам мы тоже можем обращаться к нему.

– Не задание, а курорт, – усмехнулся Дубко.

– Не думаю, что это будет легко, – возразил Богданов. – Главная сложность в том, что объект предполагаемого нападения не должен знать о цели нашего приезда. Это значит, что к нему у нас доступа не будет.

– Хреново. В первую очередь заговорщиков следует искать в окружении Каддафи, а нам к окружающим его людям доступ перекрыли.

– Ничего, справимся и с этой задачей.

– У тебя уже есть план? – предположил Дубко.

– Пока рано строить планы, но кое-какие наметки действительно есть.

– Поделишься?

– Для этого я и попросил тебя остаться.

В кабинете Дубко и Богданов просидели полтора часа, обсуждая возможные варианты действий. В половине одиннадцатого вечера спустились вниз. Дубко занялся приготовлением ужина, а Богданов отправился на стрельбище. Бойцы спецподразделения закончили тренировку и, расположившись под навесом, чистили оружие. Дорохин и Казанец в дальнем конце, новобранцы – два лейтенанта, Зуйков и Уфимцев, прибывшие в подразделение месяц назад, – ближе к домику. Капитан Лепилин сидел особняком ровно посередине между старожилами и новичками. Богданов шел не спеша, новобранцы сидели спиной к домику и вели беседу.

– Как думаешь, про покушение на Каддафи – это правда или мультка?

Вопрос задал Сергей Зуйков, невысокий двадцативосьмилетний блондин с ангельским лицом. До перевода в спецподразделение Зуйков служил при штабе во Владикавказе. В Комитет государственной безопасности его рекомендовал генерал-лейтенант Владикавказского округа, по некоторым данным, являющийся давним другом генерал-майора Лазарева, бывшего начальника Управления «С». В группу «Дон» он прибыл в один день с Дмитрием Уфимцевым, с которым проходил подготовку в Учебном Центре при КГБ СССР. В Учебный Центр Уфимцев попал по направлению комсомольской организации Московского машиностроительного института, который окончил в двадцать два года. По окончании института он два года отслужил в армии срочником, а затем три с половиной года на сверхсрочной в Болгарии и год в Германии. Такое рвение к служению Родине комсомольские лидеры не могли не отметить, поэтому и рекомендовали Уфимцева на службу в КГБ.

– Приедем, на месте и узнаем. Зачем гадать? – ответил Дмитрий Уфимцев. Он был на год младше Зуйкова, но на две головы выше и гораздо сдержаннее.

– Так интересно же, – не унимался Зуйков. – Хочется поскорее в работу окунуться.

– Это тебе не море, в которое нырять – одно удовольствие. – Уфимцев тер ветошью автоматный затвор и на Зуйкова не смотрел. – Когда ты на задании в чужой стране, каждое твое действие, каждое слово и даже каждый взгляд должны быть направлены только на то, чтобы выполнить задание как можно быстрее и как можно меньше при этом засветиться.

– Все это мне известно. – Зуйков разложил перед собой части автомата Калашникова, но к сборке приступать не спешил. – Лекции в Учебном центре я наравне с тобой слушал, не забыл? Только меня не теория интересует, а практика. Говорят, многие агенты на первом задании крепко лажают. Как думаешь, правда это, или так старожилы новичков пугают?

– Вполне возможно, – подумав, ответил Уфимцев. – Обстановка непривычная, от нее адреналин в крови почти постоянно зашкаливает, от этого любой потеряет способность адекватно оценивать ситуацию.

– Вот я и переживаю, что вся первая поездка на адреналине.

– Это не страшно, ты же там будешь не один. Главное – слушай старших товарищей, и все будет хорошо, – посоветовал Уфимцев.

– Как думаешь, они тоже на первом задании лажали? – Зуйков кивком указал на Казанца и Дорохина.

– Пойди и спроси, если так интересно, – хмыкнул Уфимцев.

– Лучше я у Лепилина спрошу, – произнес Зуйков. – Он хоть и в звании капитана, а такой же, как мы, новичок. Разница лишь в том, что его на одно задание уже брали.

– Думаешь, он тебе расскажет, если налажал? – Уфимцев снова хмыкнул. – Такие, как он, никогда в своих промахах не признаются. Скорее уж Дорохин или Казанец расскажут тебе историю о том, как они первое задание запороли, чем Лепилин позволит тебе хотя бы заподозрить его в чем-то подобном.

– Почему ты так думаешь? – Зуйков перевел взгляд на Лепилина, стараясь разглядеть в нем то, что увидел Уфимцев. – На вид вполне нормальный и нос не задирает, как мне кажется.

– Тогда почему он сидит один? – спросил Уфимцев. – К старожилам не пошел – это понятно, субординацию не хочет нарушать, но почему он не с нами?

– И почему же он не с нами?

– Потому что мы ему в друзья не годимся, – ответил Уфимцев. – Он капитан, мы – простые летехи, он на месяц дольше в отряде, к тому же, считай, обстрелянный. Пусть одно задание, но оно же было. Вот и подумай, подходим мы ему в друзья или нет.

– Так что же, он теперь всегда особняком будет? – начал размышлять вслух Зуйков. – В званиях мы его точно не догоним, разве что по количеству выполненных заданий. Говорят, не всегда вся группа идет на задание, иногда только часть.

– Думаю, он на старичков нацелился. Сходит пару-тройку раз на задание и станет им ровней, – выдвинул предположение Уфимцев.

– Да нет, старожилы нас отдельно не станут держать, – заявил Зуйков. – Это сегодня они сдержанные, а потом все наладится. Если мы, конечно, не налажаем.

Разговор сошел на нет, Уфимцев и Зуйков стали собирать оружие, размышляя каждый о своем. Подполковник Богданов захватил лишь часть разговора, но эта часть его порадовала. Особенно то, как точно лейтенант Уфимцев охарактеризовал внутренние качества капитана Лепилина. «Наблюдательный парень, к тому же с задатками психолога, – подумал он. – Это хорошо». Подойдя к лейтенантам, он осмотрел оружие и спросил:

– Каковы результаты тренировки?

– Норматив отстреляли как положено, – отчитался Зуйков и, не сдержавшись, похвастался: – Капитан Дорохин нас похвалил.

– Похвалил, говоришь? Это хорошо, – сдержав улыбку, произнес Богданов. Он вдруг вспомнил, как сам пришел в отряд молодым лейтенантом и как прежний командир майор Семенов гонял его по полосе препятствий в полной амуниции до тех пор, пока Богданов не свалился на финишной прямой. Помнится, Семенов тогда сказал: «Бегаешь хиловато, но упорства тебе не занимать». Для молодого Богданова слова майора прозвучали как высшая степень похвалы.

– Оружие собрать, вернуть на место, – скомандовал лейтенантам Богданов. – И на кухню. Майор вам ужин приготовил.

– Есть, сдать оружие, – козырнул Зуйков, подхватил автомат и бросился к домику.

Лейтенант Уфимцев посмотрел вслед товарищу и покачал головой.

– Осуждаешь? – кивнув вслед Зуйкову, задал вопрос Богданов.

– Никак нет, товарищ командир, – ответил Уфимцев. – Удивляюсь.

– Чему же ты удивляешься, лейтенант?

– Как в двадцать восемь лет, после стольких лет службы человек сумел сохранить чувство непосредственной радости, – честно признался Уфимцев.

– Думаю, тут дело в генах, – обдумав вопрос, ответил Богданов. – Зуйков относится к той категории людей, для которых стакан всегда наполовину полон, а не наполовину пуст.

– Наверно, так оно и есть, – согласился Уфимцев. – Разрешите идти, товарищ подполковник?

– Иди, Дима, – разрешил Богданов, а сам продолжил движение.

Он прошел мимо Лепилина, даже не взглянув на него. При приближении командира Дорохин встал, а Казанец быстро закончил сборку автомата.

– Ну, как новобранцы? – задал вопрос Богданов.

– Отстрелялись на «отлично», – доложил Дорохин. – Зуйков слишком перевозбужден от предвкушения «настоящей работы», но на стрельбе это не сказалось.

– Разноплановые задачи ставил?

– Все как положено, командир, подошел к вопросу творчески. Реакция у ребят хорошая, в паре работать умеют.

– Что скажешь про Лепилина?

– Да что сказать, командир? Отстрелялся хорошо, нареканий нет, – Дорохин помедлил, решая, стоит ли продолжать. – Поставил его в пару с Казанцом.

– И?

– Ждал команды, выполнял четко, – сухо отчитался Дорохин.

– Зажат он, – вступил в разговор Казанец. – Думаю, тот инцидент не прошел для него бесследно. Не знает теперь, как себя вести, вот и зажимается. Ничего, это пройдет.

– Хорошо, отправляйтесь в дом. Оружие по местам, ужин и отбой. Завтра подъем в шесть утра, – скомандовал Богданов.

Казанец и Дорохин не спеша пошли в дом, а Богданов подошел к Лепилину.

– Долго чистишься, – произнес он, – время тянешь, или с оружием проблемы?

– Ни то ни другое. – Лепилин поднял на командира взгляд. – Хотел пообщаться наедине.

– Вот как? Серьезный разговор накануне выезда на операцию?

– Не думаю, что мне стоит идти вместе со всеми, – не отводя взгляда от глаз командира, произнес Лепилин.

– Причина?

– Бойцы мне не доверяют, а при таком раскладе я буду для всех балластом, не более того, – ответил Лепилин.

– Считаешь недоверие необоснованным? – Лепилин молчал. Богданов сунул руку в карман, достал пачку сигарет, прикурил. – Вот что я скажу тебе, Алексей, – выпустив сигаретный дым, произнес Богданов. – Доверие – вещь хрупкая. Потеряешь единожды, всю жизнь возвращать будешь. Это не я сказал, это народная мудрость. А ты, Леша, пока еще нисколько не потрудился, чтобы доверие вернуть. Тяжко без доверия коллектива? Сбежать хочется? А ты терпи! Сам напортачил, сам и расхлебывай. И не жди, что тебе кто-то за твои усилия станет руку жать и жизнь облегчать. Ты не в танцевальный кружок записался, в боевое подразделение конкурсный отбор прошел. Раз прошел, значит, задатки к нашему делу у тебя есть. Вот и докажи всем, что ты заслуживаешь доверия и уважения. Понял?

– Понял, товарищ командир. – Лепилин отвел взгляд в сторону. – Только думаю, напрасно все это.

– А ты не думай, ты действуй. – Богданов потушил сигарету. – И вот еще что: больше этот разговор не заводи. Я здесь командир, и я буду решать, кто из бойцов подходит для работы в спецподразделении «Дон», а кто нет. Это ясно?

– Так точно. – Лепилин подхватил автомат. – Разрешите идти?

– Разрешаю.

Лепилин развернулся и пошел к домику. Богданов еще с минуту стоял, глядя ему вслед, затем погасил свет под навесом и отправился в дом. Ужин прошел быстро, бойцы почти не разговаривали. Так же быстро разошлись по своим комнатам, не дожидаясь отбоя. Водитель Иванько устроился в кухне-гостиной, разложив раскладушку, Богданов поднялся в кабинет, где для него был установлен диван, и дом погрузился в тишину, а его обитатели – в сон.

Не спал лишь командир спецподразделения подполковник Богданов. На этот раз его одолевали думы о противоречивом, весьма эксцентричном правителе Ливии, Муаммаре Каддафи. О революционном ливийском лидере Богданов знал довольно много. Его приход к власти, в отличие от многих других военных переворотов на территории Африки, получился бескровным. В прямом смысле этого слова: свергнув власть Идриса Первого, Каддафи не лишил жизни ни одного человека. Каддафи рвался к власти ради того, чтобы с нуля создать нацию – ливийский народ. Почему с нуля? Да потому что лишь в 1951 году бывшая маленькая Триполитания получила независимость, возглавляемая королем Идрисом.

Независимость не реальную, а номинальную. Все морские порты и аэродромы использовались Великобританией в военных целях. Военные базы США занимали пригород Триполи. Франция владела площадями на юге страны. Ливийские нефтяные месторождения, занимающие по запасам нефти первое место в Африке, разрабатывались, но получали от этого прибыль американцы, а не ливийцы. Причем прибыль колоссальную, в то время как ливийский народ нищенствовал. Где же тут независимость? Только на бумаге.

Выходец из бедной семьи бедуинов-кочевников, Муаммар Каддафи невольно вызывал уважение к себе. Было удивительно, как ему удалось подняться так высоко. Год за годом он ходил в школу, расположенную в тридцати километрах от кочевья отца. Затем Королевская военная академия, открытая британцами. Как сына бедуина-кочевника зачислили в элитную школу – неизвестно, но вот зачислили. И не просто зачислили, а позволили дослужиться до

чина капитана, а после пройти стажировку в Англии. Правда, здесь сыграло роль усердие Каддафи, который сумел стать «отличником учебы».

Казалось бы, вышел в люди, получил то, о чем твои родители и мечтать не могли, так почему не остановиться? Почему не почитать на лаврах, забыв о бедности и кочевой жизни. Но он не забыл, не отвернулся от соплеменников. Почему? Как-то подполковнику Богданову довелось прочитать интервью с Каддафи. В нем он признался, что в юные годы старательно изучал основы социализма, анархизма и многое другое. Это заставило его стать яростным противником монархии. Видимо, отсюда и его желание свергнуть монарха на своей родине.

Придя к власти, Каддафи провозгласил Ливию республикой, основал Совет революционного командования и пообещал народу, что их страна будет процветать. Слово у него не расходилось с делом. И вот результат: Ливия, до семидесятых годов отсталая, полудикая страна, становится самой развивающейся в Африке. Реализация социальных программ в Ливии шла полным ходом. Строительство жилых домов, модернизация системы здравоохранения и образования. Квартиры, лечение, образование – все это отныне стало в Ливии доступным и бесплатным. Чем не социализм? Но нет, для Каддафи стали одинаково неприемлемы как капитализм, так и социализм, по крайней мере, в той степени его проявления, в которой понимали социализм в СССР. Печально, но не критично, Советский Союз умеет налаживать контакт не только с социалистическими странами.

Но были у Богданова и другие сведения. Не столь радужные, как социальные реформы, и касались они непосредственно личности главы Ливийской Арабской Республики. Те, кто возвращался в СССР после продолжительного пребывания в Ливии, рассказывали о Каддафи как о тиране, не терпящем инакомыслия, не щадящем ни чужих, ни своих, скором на расправу и навязывающем всему африканскому континенту Третью всемирную теорию, его детище, которое он планировал представить на людской суд не позднее чем через два года.

Неудивительно, что при такой занимаемой Каддафи противоречивой позиции у него вскоре появились серьезные враги. Искать их можно было в любом месте. Ткни на карте в любую точку – и попадешь в страну, которая была бы не прочь сплясать на могиле ливийского лидера. Политические, идеологические, финансовые враги – вот с кем группе «Дон» предстояло иметь дело. Как вычислить того, кто стоит за подготовкой покушения, когда врагов у лидера ливийского народа на порядок больше, чем друзей?

Лишь без четверти пять подполковнику Богданову удалось уснуть. Но и короткий сон не принес облегчения мозгу. В голове крутились обрывки рассказов очевидцев о том, как Муаммар Каддафи расправляется с неугодными людьми, как яростно борется с политическими противниками, как изгоняет из страны итальянских поселенцев. «Будьте осторожны, – мысленно поучал он своих бойцов. – Будьте предельно внимательны». Во сне бойцы спецподразделения кивали, соглашаясь с доводами командира, и это вселяло уверенность, что у них в командировке сложится все, как надо.

Утром подполковник Богданов встал последним, когда вся группа уже собралась на завтрак, приготовленный заботливыми руками Григория Иванько. Сам водитель уже ушел в автобус, готовый по первому требованию завести двигатель и ехать в аэропорт.

– Плохая ночь? – взглянув на лицо командира, спросил майор Дубко.

– Не хуже предыдущих, – не желая распространяться о своем самочувствии, ответил Богданов. – Все готовы?

– Так точно, товарищ командир.

– Готовы.

– Когда выезжаем?

Бодрые голоса бойцов отзывались в голове резкой пульсирующей болью. Богданов поморщился, потер виски.

– Голова болит? – обеспокоенно спросил Дубко.

– Все в порядке. Выпью таблетку, и пройдет, – отмахнулся Богданов. Он прошел к навесному шкафу, где хранилась медицинская аптечка. Достал таблетки, вытряхнул на ладонь сразу три штуки. Капитан Дорохин протянул ему стакан с водой. Богданов забросил в рот таблетки, запил водой.

– Ладно, по коням, парни, – скомандовал Богданов и первым пошел к входной двери.

Погрузились в автобус, Григорий Иванько завел двигатель и поехал к первым воротам. Миновав ворота, доехал до КПП, остановился. Богданов сходил в сторожку, отметить в журнале время отъезда. Когда он вернулся, автобус снова тронулся в путь. Дальше ехали без остановок. Бойцы группы негромко переговаривались между собой, стараясь не шуметь, чтобы не усугублять головную боль командира. Время от времени Дубко бросал беспокойные взгляды на командира, оценивая его состояние. По его мнению, в последнее время у командира слишком часто возникали головные боли, которые он старательно скрывал от медиков во время прохождения медицинского осмотра. Пару раз Дубко заводил с командиром разговор о необходимости серьезного обследования, но тот упрямо отказывался, заявляя, что с его головой все в порядке. Дубко отступал, но беспокойство от этого только усиливалось.

В аэропорту их встретил полковник Старцев. Он поздоровался с командой и отвел подполковника Богданова в сторону.

– Давай-ка пробежимся по ключевым моментам. До Стамбула летите по своим паспортам, – начал Старцев. – Там вас встретит...

– Спецагент Анатолий Дрозд. Он передаст пакет документов на всю группу. Из Стамбула летим как граждане Турции русского происхождения. Цель поездки – изучение архитектуры в Старом городе. Легенды использовать в аэропорту Триполи и во время пребывания в Ливии – по мере необходимости.

– Что с языком? – прервал речь Богданова полковник Старцев.

– Турецкий на уровне разговорного, – ответил Богданов.

– У новичков тоже?

– Не проверял, – признался Богданов.

– Плохо. Придется использовать время перелета, чтобы натаскать твоих ребят на разговорный турецкий.

– По легенде они являются русскими, так почему бы им не говорить на русском?

– Нежелательно, чтобы в Ливии звучала русская речь, Слава. По крайней мере, пока вы там неофициально.

– Слишком много внимания? – уточнил Богданов.

– Да, русская речь привлечет ненужное внимание. Турецкая речь в арабских странах воспринимается лучше.

– Хорошо, я решу эту проблему, товарищ полковник, – пообещал Богданов.

– Иди, выясни насчет подготовки новобранцев. Если турецкий не на уровне – отправь кого-то из бойцов, пусть купят разговорники в здании аэропорта, – посоветовал Старцев. – Потом продолжим. С этой гонкой просто катастрофа, подготовиться к операции времени совсем не дали.

– Мы справимся, товарищ полковник, – произнес Богданов и поспешил к группе.

Спустя десять минут он вернулся к полковнику.

– Ситуация под контролем. У Уфимцева и Зуйкова три месяца назад завершился курс по тюркской языковой системе. Владеют языком лучше, чем мы с Дубко, – отчитался Богданов. – Лепилин изучал язык два года назад, но захватил с собой разговорник с базы. За время перелета Уфимцев и Зуйков помогут освежить в памяти языковые обороты и наработать активный словарь.

– Отлично. Тогда продолжим. – Старцев бросил взгляд на наручные часы. – Из Стамбула в Триполи вылетаете через пять часов после прибытия, значит, территорию аэропорта покидать

не будете. Это время используйте для изучения легенд. Вам забронируют номера в гостинице при аэропорте. Номера бронируют уже на новые паспорта, так что придется ориентироваться быстро.

– Товарищ полковник, мы делали это уже не один раз, почему вдруг такое беспокойство? – подполковник Богданов не скрывал удивления.

– Потому что операция не подготовлена, Слава. Вы летите «сырыми», в любой момент может произойти срыв, а от результатов этой операции зависит слишком многое.

– Операцию взял под личный контроль Леонид Ильич, я угадал, Николай Викторович?

– Пока только председатель Комитета государственной безопасности Юрий Владимирович Андропов, но мы оба с тобой знаем, что от Андропова до Брежнева – один шаг, – произнес полковник Старцев. – Особенно если это неверно сделанный шаг.

– Переживаете из-за новичков? – догадался Богданов.

– Опасаюсь. Слишком их много для одной группы, почти пятьдесят процентов всего состава. Это действительно многовато, тем более для такой специфической операции. Только выбора у нас нет, идти на это задание вчетвером – большой риск. Думаю, вам и семерых будет мало, но тут уж ничего не поделаешь, придется обходиться. Ладно, лирику в сторону, поехали дальше.

– Дальше прилетаем в Триполи, там группу встретит ливиец Абдул Хаким Фараж. Он только перевозчик. Доставит нас на машине на конспиративную квартиру, вернее, дом в северной части Старого города в Триполи. Располагаемся и ждем связного, который будет координировать наши действия во время пребывания в Ливии. Он даст нам наводку на человека, от которого поступила информация о покушении. Дальше действуем сообразно полученной информации.

– Как держим связь?

– Через связного. Он предоставляет нам защищенную линию связи. В случае крайней необходимости – обращаться к послу СССР в Ливии, он сможет передать сообщение и получить ответ в кратчайшие сроки.

– Но это на крайний случай, – повторил полковник Старцев. – И помни, Слава, на все про все у вас неделя, край – восемь дней. Вылет делегации назначен на пятнадцатое мая, отложить его мы не можем, поэтому до пятнадцатого у меня должны быть точные сведения относительно ситуации в Ливии в целом и в аппарате Муаммара Каддафи в частности. А теперь иди, Слава, время истекло.

– Я все понял, Николай Викторович, буду держать вас в курсе.

– Удачи вам, Слава.

Богданов быстрым шагом направился к группе. На ходу он подал сигнал бойцам спецподразделения. Бойцы подхватили рюкзаки и поспешили за командиром. Группа «Дон» в полном составе скрылась в дверях аэропорта, а полковник Старцев еще долго стоял, задумчиво глядя перед собой. Только когда самолет Москва – Стамбул поднялся в небо, он сел в машину и уехал.

Глава 3

Подполковник Богданов сидел в небольшом сквере в Старом городе в Триполи и наслаждался теплым солнцем. Погода в Триполи в мае сильно отличалась от погоды в родной Москве. Правда, в этом году май москвичей порадовал теплыми днями, но одно дело плюс семнадцать, и совсем другое – плюс двадцать пять. А то, что воздух суховат, ничего, зато ветер обдувает вполне дружелюбно. Тепло Богданов любил гораздо больше, чем холод, и в жарких странах чувствовал себя комфортнее, чем в холодных.

В Стамбуле все прошло гладко. Анатолий Дрозд отработал свою часть плана четко, как и положено профессионалу. Встретил группу, разместил в гостинице, там же, с соблюдением конспирации, передал пакет документов, забрал «родные» паспорта бойцов на хранение и ушел. На изучение и заучивание легенд ушел час, благо на этот раз они не изобиловали деталями и подробностями. Еще два часа Уфимцев и Зуйков, по приказу Богданова, гоняли всех на предмет языкового соответствия, после чего вернулись в зал ожидания аэропорта, прошли паспортный контроль и улетели в Триполи.

Здесь, как и ожидалось, их встретил ливиец, угрюмый неразговорчивый парень Абдул Хаким Фараж. Он приехал на знакомом до боли микроавтобусе «РАФ-977», чем немало удивил бойцов спецподразделения. Обращался Абдул Хаким только к Богданову, и то обошелся парой фраз. Абдул Хаким отвез группу на улицу Ансар в Старом городе, завел микроавтобус во двор довольно солидного одноэтажного дома, больше похожего на особняк, огороженного символическим заборчиком, отдал ключи от авто подполковнику и ушел.

В ожидании связного бойцы осмотрели дом. Шесть комнат плюс просторная кухня, вполне приличное жилье, а по ливийским меркам – так и вовсе хоромы. Дом явно готовили к приезду гостей: на кроватях в спальнях свежие простыни, на окнах занавески, только-только из прачечной, в холодильнике свежие продукты, на полке кухонного шкафа – мягкий хлеб. Во дворе стоял четырехместный автомобиль, готовый к эксплуатации. Ключи лежали на переднем сиденье, что говорило о том, что в Триполи не слишком боялись воровства.

Связной приехал только через два часа после прибытия группы. Мужчина средних лет, больше похожий на местных жителей, чем на выходца из России, деловитый и немногословный. Беседу он вел с подполковником в специально оборудованном звуконепроницаемом подвале, вход в который, не покажи его связной, бойцы вряд ли обнаружили бы. Связной назвался Аьмасом Аядом, предложив для простоты называть его Аликом.

– Здесь, как в бункере, – чуть хвастливо заявил Алик, обведя рукой подвал. – Два помещения. Первое используется как жилая комната с двухъярусными кроватями, столом, скамьями и кухонной зоной. Второе – складское помещение с запасом продуктов питания и другими необходимыми для выживания предметами. При необходимости можно и бомбежку переждать, и долговременную осаду.

– У вас часто бомбят? – удивился Богданов.

– Ливийское правительство не слишком популярно в международном политическом мире, – ответил Алик. – Лучше быть готовым ко всему, ведь невозможно предугадать, кто и когда вздумает поквитаться с лидером Ливийской Арабской Республики за его эксцентричные выходки и высказывания.

– Вы давно в Ливии, Алик?

– Достаточно давно, чтобы понять, что мира в этой стране не будет никогда, – честно ответил Алик. – Но перейдем к делу. Вас ведь интересует информация о готовящемся покушении, верно?

– Именно так, – согласился Богданов.

– К сожалению, у меня таковой практически нет, так что расскажу то, чем владею. – Алик пару секунд молчал, после чего начал доклад: – Восемь дней назад ко мне попала запись разговора между вторым помощником секретаря из аппарата Муаммара Каддафи и сменным дежурным командиром его внутренней охраны.

– Вы прослушиваете помещения в здании правительства Каддафи? – уточнил Богданов.

– Да, это часть моей работы. Прослушка ведется не во всех помещениях здания, но и этого добиться было не так просто, как кажется. Охранная система нового правительства несовершенна, но отнюдь не бесполезна. Здание систематически проверяется на предмет «жучков», работники, у которых есть доступ в здание, также проходят личный досмотр. Он носит не систематический, а избирательный характер, что лично я считаю более эффективным, чем постоянные досмотры. В такие сети легче попасться новичку. К счастью, я не являюсь новичком в этом деле, поэтому и получил ту информацию, о которой пойдет речь. Я могу продолжить, или будут еще вопросы?

– Продолжайте, – разрешил Богданов.

– Итак, запись. Второй помощник секретаря, будем называть его Рифат, пришел в помещение охраны и вызвал начальника смены для «конфиденциального» разговора. Сначала тот предложил ему обсудить «беспокоящий» вопрос со старшим караульной службы, господином Омаром Башеером, но тот отказался, заявив, что дело настолько щепетильное, что довериться он может только ему. Забегая вперед, поясню: Рифат и начальник смены, будем называть его Хамид, находятся в дальнем родстве. Двоюродная сестра Рифата замужем за троюродным племянником Хамида. Для ливийского народа это довольно близкое родство, несмотря на то, что Хамид и Рифат не проводят вместе национальные праздники, не встречаются в мечети во время утренних молитв и не дарят подарки новорожденным.

– То есть все их родство заключается в том, что кто-то на ком-то женился, и они об этом знают, – уточнил Богданов.

– Что-то вроде того, – Алик улыбнулся. – Скорее всего, они встречались лишь раз на свадьбе у той самой сестры Рифата, а затем встретились снова уже на государственной службе у Каддафи.

– И тем не менее Рифат доверяет Хамиду?

– Да, ему он доверяет. По крайней мере, больше, чем грозному Омару Башееру.

– Понятно. Что было дальше?

– Дальше Хамид отвел Рифата в отдельное помещение, доступ в которое разрешен только старшему смены, и там Рифат выложил ему то, с чем пришел. Говорил он сбивчиво, на диалекте народов тубу, который, в свою очередь, делится на две основные группы: теда и даза, со своим своеобразным диалектом. Останавливаясь на этом более подробно, чтобы вы поняли: перевод беседы занял не один час, и я допускаю, что он может оказаться неточным.

– В чем суть разговора? – спросил Богданов.

– Рифат имел неосторожность прилюдно высказывать недовольство некоторыми решениями, которые принимал Муаммар Каддафи. Делал он это не один раз, и кое-кто решил, что его можно завербовать для своих целей. Болтливый язык сделал его уязвимым, а работа в относительной близости от лидера Ливийской Арабской Республики – лакомым кусочком для противников Каддафи. Естественно, его завербовали.

– Он так и сказал?

– Нет, конечно. Возможно, он и доверяет Хамиду, но не настолько, чтобы положить свою голову на плаху. К этому выводу я пришел сам.

– Ясно, продолжайте.

– Он сказал, что некая организация предложила ему хорошие деньги только за то, чтобы он предоставил ей доступ к секретной информации, содержащей схемы передвижения кортежа Каддафи по стране. Заявил Хамид, что отказался предоставить информацию и считает, что на

лидера ливийского народа планируется покушение. Хамид потребовал доказательств, а так как никаких доказательств у Рифата не было, посоветовал ему забыть о предложении, о тех людях, которые к нему обращались, и о настоящем разговоре тоже. Рифат уговаривал Хамида, чтобы тот намекнул своему начальству, что следует усилить охрану Каддафи и провести проверку всех сотрудников аппарата на предмет вербовки противниками действующего строя, но тот сказал, что не собирается из-за паранойи Рифата лишаться работы и подставлять свою голову под удар. На этом разговор закончился.

– Что предприняли вы? – задал вопрос Богданов, поняв, что рассказ окончен.

– Я проверил все записи прослушки разговоров в здании правительства за последние три месяца, но ничего подозрительного не нашел. Тогда я организовал слежку за Рифатом, а заодно прошупал все его окружение. За четыре дня ничего не обнаружил. Тогда я понял, что напрасно теряю время, и обратился за помощью в Москву. И вот вы здесь.

– И вот мы здесь, – повторил за Аликом Богданов. – Чего вы ждете от нас?

– Вы должны наладить контакт с Рифатом, – заявил Алик. – Сам я этого сделать не могу, так как являюсь слишком видной фигурой в Ливии. Рифат наверняка знает меня в лицо и поэтому откровенничать со мной не станет. Но также я знаю, что ситуация его угнетает, он боится и тех людей, которые его завербовали, и тех, на кого работает. Сейчас он особенно уязвим, поэтому будет рад, если решение его проблем возьмет на себя кто-то со стороны.

– Как нам его найти? – задал очередной вопрос Богданов.

– Здесь все, что может вам понадобиться, – Алик положил на стол картонную папку. – Фото Рифата и членов его семьи, его домашний адрес, рабочее расписание, список регулярных передвижений, привычки и слабости.

– Полное досье? – Богданов удовлетворенно кивнул. – Это существенно облегчит нам работу.

– Очень на это надеюсь. Теперь о технической стороне дела. – Алик выложил на стол пухлый конверт. – Здесь деньги на время вашего пребывания в Ливии. На случай, если нужно будет кого-то подкупить. Ливийцы – народ странный, с одной стороны, они считают себя яростными патриотами, с другой стороны, не прочь обогатиться любыми способами. Думаю, деньги вам понадобятся, и не раз.

– Ливийские динары разного номинала, – заглянув в конверт, прокомментировал Богданов. – Если не ошибаюсь, их ввели в обращение четыре года назад, уже при правлении Муамара Каддафи. Они ценятся в Ливии наравне со старинными монетами?

– Они ценятся в Ливии больше, чем старинные монеты. Люди им доверяют.

– Хорошо. Во дворе я видел легковой автомобиль, полагаю, мы можем им пользоваться.

– И им, и микроавтобусом. Они оба в вашем распоряжении. Насчет бензина не беспокойтесь, в сарае на заднем дворе имеется запас горючего. На заправки без особой нужды не заезжайте. Бензин в Ливии дешевый и доступный, но иностранцам, которыми вы являетесь, его отдают неохотно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.